

Некоторые вопросы отношения восточных славян с болгарами и балтами в процессе заселения ими Среднего и Верхнего Поднепровья (В. В. Седов. Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья. М., 1970)

Появление книги В. В. Седова — крупное событие в советской историографии. В ней впервые в археологической науке на примере возникновения белорусского народа конкретно рассмотрен важный вопрос о роли субстрата в формировании новых народов. Тщательный анализ археологических материалов сопоставлен в его труде с данными лингвистики, антропологии и этнографии. Автор подошел к решению задачи вооруженный огромным количеством разнообразных фактов и в итоге получил замечательные результаты, имеющие значение не только для археологии, но и для всей истории нашей страны. Высокая научная ценность труда В. В. Седова вызывает особо пристальное внимание ко всему его содержанию, включая затронутые автором побочные темы. Я не берусь рассматривать все разделы этого труда и остановлюсь только на вопросах, вызывающих наибольший интерес своей новизной или спорностью заключений автора.

В труде В. В. Седова большое внимание уделено гидронимике Верхнего Поднепровья и Подвинья, и хотя распространенность на этой территории балтских названий уже давно замечена лингвистами, В. В. Седов дополнил и картировал их, благодаря чему наглядно определилась древняя область балтских племен, кроме собственно Прибалтики, охватывающая Припятское Полесье, Понеманье, Подесенье, Верхнее Поднепровье, значительную часть западнодвинского бассейна и верховья Оки. Судя по данным гидронимике, вся эта территория, начиная с отдаленной древности, доступной языковедческому анализу, была населена племенами балтской языковой группы. Только в ее восточной части, в междуречье Волги и Оки, и на севере, через верховья Ловати до Латвии, балтская гидронимика совмещается с еще более древней финно-угорской.

В полном соответствии с показаниями гидронимике находятся археологические данные. На территории балтской гидронимике установлено существование пяти археологических культур: штрихованной керамики, днепродвинской, верхнеокской, юховской и милоградской. Соседями балтов на севере и востоке были финно-угры, на юго-западе славяне, а на юго-востоке ираноязычные племена. О германцах не упоминается потому, что западные балты остаются за пределами исследования.

Балтские археологические культуры существенно отличаются не только от окружающих культур, но и друг от друга. В качестве общих признаков балтских культур В. В. Седов называет только наземные столбовые жилища, да еще характерные только для восточнобалтских областей посоховидные булавки. Оказывается, родство археологических культур на территории балтской гидронимике не так уж велико, тем более, что сходные с балтскими наземные столбовые жилища имеются и в других, небалтских культурах. Близость между балтскими культурами обнаруживается не столько в сходстве их в целом, сколько в родстве соседних культур между собой, проходящем через всю их территорию.

Больше всего места в первой части труда В. В. Седова отведено зарубинецкой культуре. Ареал ее в значительной части налегает на территорию милоградской культуры, но генетической связи между той и другой не обнаруживается. Только в северо-восточной окраине своего распространения милоградская культура, по наблюдениям О. Н. Мельниковской, сосуществовала с зарубинецкой до I в. н. э.¹ Во всей остальной области последней некоторые общие у обеих культур элементы относятся за счет ассимиляции милоградцев зарубинецкими племенами. Зарубинецкая культура не местного происхождения. Истоки ее усматриваются в подклешевой, а через нее в поморской культуре Польши². Это мнение В. В. Седов считает наиболее аргументированным и единственно приемлемым.

Соглашаясь с П. Н. Третьяковым, что зарубинецкая культура не может быть германской, В. В. Седов возражает против его заключения о славянах как единственных на нее претендентах, что якобы подтверждается распространением в области зарубинецкой культуры славянских гидронимов и вместе с тем существенными отличиями этой культуры от балтских культур³. По поводу первого из этих аргументов В. В. Седов ссылается на давно известную истину, что совпадение археологических и гидронимических ареалов само по себе еще ни о чем не говорит, если в распоряжении исследователей нет каких-то других материалов. К тому же славянские гидронимы, подобные известным в области зарубинецкой культуры, распространены далеко за пределами этой культуры и датируются длительным периодом — вплоть до монгольского завоевания. Наоборот, балтские гидронимы сосредоточены в основной области зарубинецких памятников. Что же касается своеобразия зарубинецкой культуры сравнительно

¹ О. Н. Мельниковская. О взаимосвязи милоградской и зарубинецкой культуры в Южной Белоруссии. СА, 1963, 1, стр. 32 сл.

² Ю. В. Курченко. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА, 1960, 1, стр. 289 сл.

³ П. Н. Третьяков. Финно-угры, балты и славяне на Днепре и Волге. М.—Л., 1966, стр. 219 сл.

с балтскими культурами, то этот аргумент легко отвести ссылкой на значительное разнообразие самих балтских культур. Различие между восточнопрусской культурой и культурой штрихованной керамики, например, настолько велико, что при простом сравнении их невозможно признать родственными между собой, хотя балтская принадлежность их не вызывает сомнений. В. В. Седов справедливо указывает, что давний распад балтской языковой общности и расселение балтоязычных племен на обширной территории привели к возникновению различных культур балтского мира.

В советской археологии распространена гипотеза о славянстве зарубинецкой культуры, являющейся восточным продолжением поморской культуры⁴. В настоящее время, пожалуй, только М. Гимбутас отстаивает связь поморской культуры с балтами⁵, для восточнопрусских курганов которых характерны такие же, как в поморской культуре, каменные ящики, сходная керамика и одинаковые металлические вещи. В. В. Седов добавляет к этому следы балтской гидронимии, открытые по всему ареалу поморской культуры и в итоге заключает, что славянская атрибуция поморской культуры остается на уровне догадки, не имеющей какого-либо фактологического обоснования.

Даже согласившись с балтской принадлежностью поморской культуры, весьма затруднительно распространить это заключение на зарубинецкую культуру, так как нельзя не учитывать те несколько веков, в течение которых поморцы расселялись от Балтики до Днепра в чуждой для них инородной среде. Ю. Костшевский и другие польские археологи, прослеживая распространение поморской культуры, отмечают, что носители ее встречали упорное сопротивление со стороны местного населения. Это обусловило появление многочисленных городищ в Куявии, Мазовии и Южной Великопольше, а также оружия в лужицких погребениях Южной Великопольши и Силезии во второй половине ранней поры железного века (Гальштат Д), что резко отличает их от погребений предшествующего времени. Больше того, они указывают на археологические материалы, свидетельствующие об ассимиляции местным лужицким населением пришельцев. В период латена последние утрачивают свой наиболее характерный этнографический признак — ящик из каменных плит в могиле, заменяющийся обычной для лужицкой культуры обкладкой из камней, а во многих случаях могилы лишаются и этого. Коллективные могилы уступают место одиночным, возрастает число «приставок» в могиле и т. д. Судя по археологическим данным, в Южной Польше пришельцы растворились в местной среде, а в других частях своего распространения поморская культура, утрачивая многие из своих признаков, воспринимает ряд новых для нее лужицких элементов, в результате чего возникает культура подкляшевых погребений, которую некоторые польские археологи расценивают как самостоятельное явление.

Осталась ли эта культура по этнической своей сущности балтской, если согласиться, что одно из ее слагаемых — поморская культура — принадлежало балтам, или в процессе своей трансформации и слияния с другими культурами стала иной в этнолингвистическом отношении? Это вопрос, на который в настоящее время нет и не может быть однозначного ответа. Можно допустить, что балтский элемент в подкляшевой культуре оказался настолько устойчивым, что дожил до видоизменения этой культуры в зарубинецкую, тогда как в других случаях был поглощен иной этнической средой. Но это требует основательных доказательств, и их, как мне кажется, следует искать в первую очередь в истории зарубинецкой культуры как таковой. Если она генетически связывается с позднейшими бесспорными славянами, то можно признать и ее славянской, если нет, то искать других ее носителей, в первую очередь в лице балтов, не исключая и других возможностей. Претендентами на нее могут оказаться и бастарны, о широком распространении которых в эпоху этой культуры свидетельствуют позднеантичные источники и относительно этнической принадлежности которых спор до сих пор не закончен⁶.

Вопрос об этнической принадлежности зарубинецкой культуры не может быть решен без учета ее истории. Что же из этой истории известно? Можно считать установленным, что, появившись во II в. до н. э., эта культура ко II в. н. э. прекратила свое существование в Полесье и Среднем Поднепровье. Сторонники славянской принадлежности зарубинецкой культуры настаивают, что в южнобелорусской части Верхнего Поднепровья и в бассейне р. Десны она и дальше продолжала существовать и развиваться. Проникновение в эти области зарубинецкой культуры не вызывает сомнений. Несомненно также распространение некоторых зарубинецких элементов в южновосточной и днепровско-двинской балтских культурах. Для нас в данной связи не важно, с каким процессом этнической трансформации связано проникновение зарубинецкой культуры в балтскую среду — с растворением ли пришлых зарубинцев в местной среде или наоборот, с ассимиляцией балтов зарубинцами. Вопрос заклю-

⁴ Обзор литературы см.: М. М. Артамонов. Венеды и лужицкая культура. Вестн. ЛГУ, 1951, 1, стр. 153 сл.; Ю. В. Кухаренко. Ук. соч.

⁵ M. G i m b u t a s. The Balts. London, 1963, p. 95 сл.

⁶ Д. А. Мачинский. К вопросу о хронологии, происхождении и этнической принадлежности памятников типа Поянешти — Лукашевка. Сб. «Археология Старого и Нового Света». М., 1965; е го ж е. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. КСИА АН СССР, 107, 1966.

чается в другом, а именно: продолжала ли в этих областях свое существование зарубинецкая культура как самостоятельное явление, не совпадающее по своим признакам с современными ей балтскими культурами, или нет?

П. Н. Третьяков отвечает на этот вопрос положительно⁷, а В. В. Седов — отрицательно. Об этом можно судить хотя бы по их оценке материалов Почепского поселения на р. Судости. Это поселение в значительной своей части раскопано и дало обильный материал. А. К. Амброз, отмечая отличие Почепского поселения от зарубинецких, предложил называть представленную им культуру почепской⁸, а производивший раскопки этого памятника Ф. М. Заверняев, как и П. Н. Третьяков, считает его позднезарубинецким, и соответственно с этим одни приписывают его балтам, а другие славянам⁹.

В. В. Седов согласен с П. Н. Третьяковым, что горшки деснинских поселений почепского типа идентичны посуде зарубинецких памятников Среднего Поднепровья и Подесенья и характерные для них ребристые миски имеют ближайшие аналогии в тех же зарубинецких памятниках. Специфические зарубинецкие фибулы точно так же появились на Десне и Верхнем Днепре вместе с зарубинцами. Вместе с ними, вероятно, появляются и несвойственные балтам жилища в виде землянок со столбом в центре и открытым очагом возле него. Кроме Подесенья такие землянки встречаются в зарубинецкой культуре Полесья.

Время зарубинецкой культуры в ее почепском варпанте заканчивается не позже начала III в. н. э. Дальнейшее развитие ее здесь не прослежено. К сожалению, не вполне надежно документированы материалы из раскопок Л. Д. Поболь в урочище Абидья на р. Адаменке в Быховском районе Могилевской области. По словам автора раскопок, там обнаружены землянки с зарубинецкой керамикой и вещами III—IV вв. и даже середины I тысячелетия¹⁰. Проникновение элементов зарубинецкой культуры еще дальше на север, вплоть до Смоленска, представлено в памятниках еще более позднего времени. Зарубинецкие элементы распространяются и на северо-восток в бассейн Верхней Оки, где вместе с керамикой зарубинецкого типа появляются, такие же, как на Десне, землянки, а также погребения с трупосожжением под курганами, известные по раскопкам Н. И. Булычева около деревень Шаньково и Почепок¹¹ и по раскопкам других археологов. Однако повсеместно эти элементы выступают в сочетании с балтскими формами, занимающими преобладающее положение. Таким образом, переход зарубинецкой культуры, сливающейся с балтскими культурами, в бесспорно славянскую остается нигде не проследимым, а вследствие этого и вопрос об этнической принадлежности этой культуры, пожалуй, вероятнее решать так, как это предлагает В. В. Седов.

В. В. Седов считает зарубинецкую культуру балтской и именно в ней связывает западнобалтские гидронимы с элементами «аре», «ире», имеющиеся на юго-востоке балтского ареала. Оставляя это и другие суждения В. В. Седова, основанные на лингвистических данных, на долю соответствующих специалистов, отмечу, что в заключение он вполне уверенно связывает зарубинцев с летописной голядью с античными галиндами и со средневековым названием Пруссии Галиндией, добавляя, что известные по Иордану гольтескифы могут быть частью голядьи, поселившейся по соседству со скифами и смешавшейся с ними. Получающееся в результате хронологическое несоответствие, так как скифов во время заселения зарубинцами Подесенья уже не существовало, оставлено В. В. Седовым без внимания. Зато распространение термина «айсты» или «эсти», вплоть до степного Поднепровья, где они граничили с акацирами, заслуживает всяческого внимания.

К сказанному В. В. Седовым я бы добавил, что самое название «венеды» первоначально относилось к балтам, представленным поморской культурой и только позже с распространением этой культуры на восток охватило все население между Балтийским морем и Карпатами, где венедов помещают римские писатели первых веков нашей эры¹². Это название было перенесено на славян, а после распада их на три части осталось названием одной из этих частей, а именно северо-западной, территории которой издавна была связана с этим именем. Эта часть славян, по своему ареалу совпадающая с предшествующей оксивской группой венедской культуры, отличается от других славян с их жилищами-землянками и керамикой пражского типа наличием в культуре балтских элементов. Среди них в первую очередь следует учитывать наземные дома столбовой конструкции и керамику (биконические горшки и

⁷ П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 225 сл.

⁸ А. К. Амброз. К истории Верхнего Подесенья в I тысячелетии н. э. СА, 1964, 1, стр. 56 сл.

⁹ Ф. М. Заверняев. Почепское селище первых веков нашей эры. СА, 1960, 4, стр. 179 сл.

¹⁰ Л. Д. Поболь. Основные итоги изучения памятников позднего этапа зарубинецкой культуры в Белорусском Поднепровье. Древности Белоруссии. Минск, 1966, стр. 205.

¹¹ Н. И. Булычев. Журнал раскопок в части водораздела верхних притоков Волги и Днепра. М., 1899, стр. 5 сл.

¹² М. И. Артамонов. Венеды и лужицкая культура. Вестн. ЛГУ, 1951, 1, стр. 175.

небольшие кубки на полых поддонах), притом не только слепленную от руки, но и сделанную на гончарном круге.

Не затрагивая вопроса о происхождении славян, В. В. Седов констатирует, что с середины I тысячелетия н. э. славянские древности известны от Эльбы на западе до Среднего Днепра на востоке и от Нижнего Повисленья на севере до Дуная на юге. По керамике и характеру домостроительства они делятся на три группы: одна, наиболее крупная, характеризуется керамикой пражского типа, жилищами-землянками и могильниками с трупосожжениями, она распространена в прикарпатских странах. Вторая, уже кратко охарактеризованная выше, — с биконической посудой и наземными столбовыми жилищами — известна в северо-западной Польше с прилегающей частью Восточной Германии. Погребения здесь тоже в грунтовых могильниках по обряду трупосожжения. Третья группа славян, по В. В. Седову, занимает область между Нижним Днепром и Днестром — в бассейне Южного Буга и в Поднепровье от устья Роси до порогов, а также часть днестровского бассейна. Керамика этой группы тоже отличается биконическими формами, наряду с которыми имеются горшки эсвидного профиля большей или меньшей степени изогнутости. Жилища, как и в первой группе, в виде землянки, а погребения также с трупосожжениями. Начальная дата этих групп славянской культуры определяется VI в. Эти три археологические группы славян соответствуют трем их подразделениям, известным по данным Иордана, а именно: склавинам — славянам, венедам и антам.

На основании сходства цилиндрикоконических сосудов Верхнего Поднепровья с биконической керамикой третьей, днепро-бугской группы славян П. Н. Третьяков полагает, что среднеднепровские славяне ведут свое происхождение от потомков зарубинцев Верхнего Поднепровья и Подесенья, расселившихся к югу по Днепру¹³. По мнению В. В. Седова, биконические формы сосудов в славянских памятниках правобережного Среднего Поднепровья в балтских памятниках Верхнего Днепра появились независимо друг от друга. Истоки верхнеднепровских реберчатых сосудов лежат в зарубинецких и позднерубинецких древностях, тогда как днепро-бугские восходят к местным памятникам предшествующего времени — черняховской культуры. Он особенно подчеркивает, что среди керамического материала днепро-бугских поселений представлены далеко не все формы, распространенные в Верхнем Поднепровье. Так, среди них нет характерных для балтов слабопрофилированных горшков и раструбобразных сосудов и, наоборот, имеются формы, не встречающиеся в синхронных памятниках Верхнего Поднепровья.

Связывая днепро-бугскую реберчатую керамику с черняховской, В. В. Седов оставляет без внимания разделяющий их хронологический прожектор по меньшей мере в два столетия. Каким образом черняховские формы перескочили через эти столетия, где были те славяне, которые хранили их в течение двух веков, а главное, почему исчезли те разнообразные и высококачественные, сделанные на гончарном круге, сосуды, характеризующие черняховскую культуру? Мне уже не однократно приходилось указывать на отсутствие преемственной связи между черняховской и славянской культурами, хотя предположения о славянах в составе населения, создавшего черняховскую культуру, я отнюдь не отрицаю. Но черняховская культура была сметена гуннскими нашествиями вместе со своими носителями, и славяне на ее месте обнаруживаются только спустя два века. Никаких следов их, относящихся к этому промежуточному времени, до сих пор не найдено¹⁴.

Большие сомнения вызывают заключения В. В. Седова относительно судьбы днепро-бугской, как он полагает, антской разновидности славянской культуры. Появившись в VI в., а по мнению П. И. Хавлюка¹⁵, с которым солидаризируется В. В. Седов, еще в V в. эта разновидность культуры исчезает в VII в. Прекращение жизни на поселениях с реберчатой керамикой днепро-бугского типа В. В. Седов объясняет разгром антов аварами около 602 г., к которому относятся последние упоминания о них в византийских источниках. Остатки антов на Днепро-Бугской территории представлены, по мнению В. В. Седова, поселениями более позднего времени, исследованными П. И. Хавлюком на Южном Буге (например, Самчины). Однако в керамике этих поселений традиция реберчатой керамики не прослеживается и вместо нее выступают формы с плавными очертаниями, восходящие к пражскому типу керамики, известные по поселениям близ Луки Райковецкой в районе г. Бердичева¹⁶.

Не вполне ясным остается, как рассматривает В. В. Седов отношение антов к так называемым антским древностям А. А. Спицына. Возникновение представляющих эти древности кладов он тоже связывает с аварским погромом, хотя они находятся не только на антской территории днепро-бугского междуречья, но и на склавинской земле (Крылос, Залесье, Хомяково) и в днепровском Левобережье, где по В. В. Седову, антов не было, хотя реберчатая керамика, которую он считает антской,

¹³ П. Н. Третьяков. Ук. соч., стр. 265.

¹⁴ В. И. Артамонов. Славяне и Русь. Тезисы докладов по секции исторических наук. Научная сессия ЛГУ 1955—1956 гг. Л., 1956, стр. 3.

¹⁵ П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы. МИА, 108, 1963, стр. 348 сл.

¹⁶ В. К. Гончаров. Лука Райковецкая. МИА, 108, 1963, стр. 283 сл.

обнаружена в нескольких пунктах'. Связь реберчатой керамики с кладами особенно отчетливо выступает в Пастырском городище в бассейне Тясмина, где кроме четырех кладов найдено много вещей тех же типов¹⁸. В находках в Надпорожье, на Южном Буге и на Тясмине реберчатая керамика в ряде случаев сочетается с вещами типа так называемых антских древностей. Ввиду этого нет сомнений в том, что серебряные и бронзовые вещи этих типов и реберчатая керамика составляют один комплекс, входят в качестве элементов в одну культуру, которую я предложил называть пастырской по имени городища, где она представлена наиболее полно и ярко¹⁹.

Имеется и еще один элемент этой культуры, встречающийся вместе с реберчатой керамикой, а именно посуда, сделанная на гончарном круге и украшенная пролощенным орнаментом, получившая по сходству этого орнамента с украшениями керамики салтовской культуры междуречья Северского Донца и Дона название «салтоидной». Однако сделанная на гончарном круге керамика пастырской культуры по своим формам существенно отличается от салтовской хотя бы тем, что в ее составе преобладают не узкогорлые кувшины, типичные для этой культуры, а выпуклобокие горшки со сравнительно нешироким горлом и иногда с петельчатыми ручками. Эти сосуды гораздо ближе, чем к салтовским, стоят к керамике, обнаруженной при гончарных печах в балке Канцирка на Нижнем Днепре, где, видимо, находился один из ремесленных керамических центров, снабжавших население Поднепровья своей продукцией. Другой такой же керамический производственный центр открыт на Полтавщине в Тарановом Яру²⁰.

Пастырское городище является единственным долговременным поселением представленной на нем культуры. Оно было ремесленно-торговым центром этой культуры. Все другие известные местонахождения следов пастырской культуры представляют собой кратковременные стоянки, оставленные не оседлым, а кочевым населением, занимавшим не только лесостепное, но и степное Поднепровье.

О том, что это население жило не только в лесостепном Среднем Поднепровье, но и в степях по нижнему течению Днепра, Южного Буга и Днестра, свидетельствуют находки лепной реберчатой керамики по всему северо-западному Причерноморью вплоть до устья Дуная. Уже одного этого достаточно, чтобы не сомневаться в неславянской принадлежности пастырской культуры, по комплексу признаков чуждой несомненным древним славянам. В славянских памятниках с пражской керамикой не находится ни реберчатых горшков днепро-бугского или, как их еще называют, пеньковского типа, ни изготовленных на круге «салтоидных» сосудов с пролощенным орнаментом, ни характерных для пастырской культуры вещей вроде средних и больших пальчатых, антропоморфных и двупластинчатых фибул.

В качестве славянского элемента днепро-бугской антской культуры указываются еще обнаруженные на ее местонахождениях жилища-землянки того же типа, что и на славянских поселениях с пражской керамикой. Однако на тех же местонахождениях встречаются наземные жилища с открытыми очагами, а не с печами каменками и, что самое важное, кроме реберчатой посуды, керамика с формами райковецкого типа, датируемая не раньше VIII в.²¹ Из этого можно заключить, что такие местонахождения относятся по крайней мере к двум хронологически и культурно различным периодам — одному, более раннему, с реберчатой керамикой и наземными постройками и другому — с жилищами-землянками и генетически не связанной с реберчатой посудой керамикой райковецкого типа, восходящей к формам сосудов пражского типа. К тому же жилища типа землянок отнюдь не исключаются для долговременных поселений в среде кочевников, каким было Пастырское городище.

В. В. Седов считает, что анты с их реберчатой керамикой погибли около 602 г. в результате аварского погрома. Но это не соответствует действительности. Авары известны в Северном Причерноморье между 558 и 568 гг. и более чем сомнительно, что поход аварского военачальника Аспиха против антов был направлен в Поднепровье. Главное же заключается в том, что реберчатая керамика и клады «антских древностей» неразрывно связаны между собой и составляют одну культуру, а не две следующие одна за другой. По В. В. Седову получается, что клады оставлены не антами с реберчатой керамикой, а как он думает, аланами с так называемой вольтинцевской культурой, появляющейся только после антов в VII в. и известной только

¹⁷ В. И. Ильинская. Новые данные о памятниках середины I тысячелетия н. э. в днепровской Левобережной лесостепи. Славяне и Русь. М., 1968, стр. 55 сл.

¹⁸ М. Ю. Брайчевский. Работы на Пастырском городище в 1949 г. КСИИМК, XXXVI, 1951, стр. 155 сл.; его же. Исследования Пастырского городища в 1955 г. КСИА ТУССР, 7, Киев, 1957, стр. 95 и сл.; Б. И. и В. И. Ханенко. Древности Приднепровья. IV, Киев, 1904, табл. V, VI, XIII.

¹⁹ М. И. Артамонов. Этническая принадлежность и историческое значение пастырската культура. «Археология», 1969, 3, стр. 1 сл.

²⁰ Т. Брайчевская. Розкопки гончарського горна в балці Канцирка в 1955 р. «Археологія», XIII, Київ, 1961, стр. 114 сл.; Н. Е. Макаренко. Археологічні дослідження 1907—1908 гг. ИАК 43, СПб., 1911, стр. 118 сл.

²¹ Д. Т. Березовец. Поселения уличей на р. Тясмине. МИА, 108, 1963, стр. 148.

по левую сторону Днепра, хотя значительная часть кладов найдена на правой стороне этой реки, а вещи типа кладов уверенно датируются не VII, а VI—VII вв.²²

Гибель пастырской культуры, а вместе с ней исчезновение реберчатой керамики днепро-бугского или пеньковского типа и зарытие кладов «антских древностей» относится в действительности не к началу, а к концу VII или даже к началу VIII в. и связывается не с репрессиями аваров против антов, а с экспансией хазар, которые, преследуя болгар-оногуров Аспаруха, в это время оказались в Поднепровье и столкнулись там с соплеменниками оногуров болгарами-кутригурами. Завоевание хазарами Поднепровья датируется временем между появлением орды Аспаруха на Дунае в 60-х годах VII в. и вторым десятилетием VIII в., когда хазары были отвлечены от завоеваний на западе тяжелой войной с арабами на южной своей границе²³.

Третья часть труда В. В. Седова посвящена прямым предкам белорусов — летописным восточнославянским племенам Верхнего Поднепровья. Здесь я коснусь только некоторых положений автора, оставляя подробный разбор этой части другим, более компетентным рецензентам. Из этих положений мне кажется вполне вероятным отнесение волынского-житомирских памятников корчакского типа к летописным дулебам, из которых позже отпочковались племена волынян, древлян и дреговичей, а также, может быть, полагает автор, полян и бужан, вероятно, имея в виду распространение в Поднепровье керамики райковецкого типа. Говоря о дреговичах, он замечает, что лепная керамика дреговичских курганов IX—X вв. генетически восходит к лепной посуде поселений пражского или корчакского типа. Этими курганами с трупосожжением датируется начало дреговичской колонизации левобережного Припятского бассейна.

Не останавливаясь на многих рассмотренных автором в разделе о дреговичах вопросах, касающихся главным образом роли балтов в формировании верхнеднепровских славян, обратимся к следующему разделу, в котором речь идет о кривичах. С ними связывается проблема длинных курганов.

В отличие от существовавшей ранее классификации В. В. Седов причисляет к длинным курганам все валобразные насыпи, имеющие вытянутые в плане очертания, особую группу составляют только курганы прямоугольных очертаний, включая сюда и квадратные. Самыми ранними длинными курганами он считает псковские курганы на том основании, что в них найдены скорлупообразные и колпачковидные бляшки, известные в могильниках с каменными оградками в Эстонии и датированные там М. Х. Шмидехельм IV—VI вв.²⁴ В соответствии с этим В. В. Седов определяет начальную дату псковских длинных курганов временем не ранее середины I тысячелетия. К более позднему времени он относит появление длинных курганов в Смоленщине и полоцком Подвинье — не раньше VII—VIII вв.

Датировка псковских длинных курганов основывается на малом числе раскопанных памятников (по подсчетам В. В. Седова, не более 50) с ничтожным количеством вещевых находок. В Смоленщине и полоцком Подвинье раскопано около сотни длинных курганов и найдено сравнительно большее число вещей. В одном из них у д. Ямпичино обнаружена круглая ажурная бляха с красной эмалью, которая В. И. Сизовым датирована VI—VII вв., с чем согласны А. А. Спицын, П. Н. Третьяков, да, видимо, и сам В. В. Седов. Такие же бляхи в Эстонии, опубликованные М. Х. Шмидехельм, отнесены ею к III—IV вв., т. е. ко времени более раннему, чем бляшки, подобные найденным в псковских длинных курганах²⁵. Если бляха с эмалью из д. Ямпичино не случайного происхождения, а из погребения в длинном кургане, то более позднее по сравнению с псковскими возникновение смоленских курганов, а следовательно, и распространение их из Псковщины в Смоленщину ставится под сомнение. Зато не вызывает сомнений насыщенность смоленских курганов вещами балтских типов, причем среди этих вещей имеются не только относящиеся к VII—VIII вв., но и значительно более позднего времени, до X в. включительно.

Основная часть керамики в длинных курганах состоит из горшков, слепленных из глины с песком и дресвой, резко суженных ко дну, но с закругленными плечиками и слегка отогнутым венчиком. В большинстве случаев сосуды не орнаментированы, но изредка украшены по верхней части стенок косыми линиями, нанесенными зубчатым или веревочным штампом. Подобный орнамент известен на роменско-боршевской керамике VIII—X вв. Сходная керамика найдена в полусферических курганах Верхнего Поднепровья IX—X вв., из чего следует, что по крайней мере часть длинных курганов одновременна с полусферическими курганами той же территории, но из этого никак нельзя заключить, что керамика полусферических курганов ведет свое происхождение от керамики длинных курганов, на чем настаивает В. В. Седов. Менее многочисленную группу керамики длинных курганов составляют сосуды баночной формы, также встречающиеся в полусферических курганах. Следует особо подчеркнуть, что сходство керамики из длинных и полусферических

²² Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. Сб. СА, XXII, 1955, стр. 72 сл.

²³ М. И. Артамонов. История хазар. Л., 1962, стр. 202 сл.

²⁴ М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, стр. 215.

²⁵ Там же, стр. 90.

курганов сочетается со сходством других вещей из состава их погребального инвентаря, из чего отнюдь не следует, что полусферические курганы происходят от длинных, так как сходство вещей в тех и других указывает в первую очередь на их одновременность и уже во-вторых на возможность их генетической связи между собой.

Доказательством генетической связи длинных и полусферических курганов служит у В. В. Седова и неоднократное сочетание их в одних и тех же могильниках. Однако самый факт сочетания в одном могильнике разных типов погребений еще не свидетельствует о происхождении одного типа их от другого. Оно может быть и случайным, и результатом сосуществования разных типов погребений и различных этнических групп друг с другом. Само по себе оно решительно ничего не доказывает.

А. А. Спицын начал и кончил тем, что считал длинные курганы литовскими, т. е. балтскими, а в промежутке соглашался признавать их кривичскими в соответствии с господствовавшими взглядами других археологов²⁶. Мнение о славянской принадлежности длинных курганов и в настоящее время распространено в археологической науке, хотя и не может считаться доказанным. То, что эти курганы не кривичские, вытекает из их распространения за границами кривичской территории. Но они известны за пределами расселения не только кривичей, но и славян. Еще Н. Н. Чернягин отметил, что длинные курганы имеются в Виленской области среди литовских курганов²⁷. Особый интерес вызывает группа длинных курганов Верхнего Понеманья, где немногие раскопанные насыпи не дали вещей древнее VIII—IX вв.²⁸ В. В. Седов, выводивший ранее кривичские длинные курганы из Понеманья, ныне строит свою гипотезу западнославянского происхождения кривичей на другой, не археологической основе.

Гипотеза о западнославянском происхождении кривичей возникла у лингвистов давно. Обращаясь к этой гипотезе, В. В. Седов признает, что археологическими данными она не подтверждается. Главными из них были длинные курганы, самая принадлежность их не только кривичам, но и славянам вообще остается более чем сомнительной. С значительно большей вероятностью, чем славянскими, их можно признать балтскими памятниками. Напомню, что в западной окраине Белоруссии в V—VI вв. распространяются курганы восточнолитовского типа. Древнейшие из них с труположением, а более поздние с сожжением. Среди последних встречаются удлиненные (овальные) курганы, которые одними археологами считаются разновидностью длинных, а другими выделяются в самостоятельную группу. Самыми ранними из них, по-видимому, являются те, в которых найдены лепные цилиндрические сосуды, аналогичные находимым в псковских длинных курганах. Мне кажется, что ничто не мешает признать длинные курганы Псковщины и Смоленщины разновидностью этих литовских курганов, тем более что среди них нередко встречаются не длинные, а удлиненные насыпи.

Псковские длинные курганы выходят за северную границу балтской территории, как она указана на картах В. В. Седова. При отнесении этих курганов к славянам это обстоятельство не имеет существенного значения, хотя и увеличивает расстояние, которое нужно было преодолеть западным славянам из Буго-Неманского междуречья, откуда их выводит В. В. Седов, до места их нахождения в Псковской земле, где по В. В. Седову, они появились раньше, чем на землях южнее Западной Двины. Зато при отнесении длинных курганов балтам это обстоятельство выступает в качестве важного довода против такой идентификации. Невероятно, чтобы балтские погребения возникли в области, не заселенной балтами, где, судя по данным топонимики, дославянское население было финно-угорским.

Однако в действительности дело обстоит не совсем так. По свидетельству самого В. В. Седова, в области псковских длинных курганов балтские топонимы имеются, из чего следует, что они могли распространиться туда вместе с длинными курганами. Балтские племена, особенно вышедшие из собственно Прибалтики, вторгались на территорию восточных балтов, да и последние, как показал сам В. В. Седов, заселили Верхнюю Оку, ранее занятую финно-уграми. Зато движение славян через области западных балтов в обход Припятских болот и с пересечением Немана и Западной Двины, т. е. в условиях необычных и поэтому маловероятных для народных переселений, совершенно фантастично, а главное ничем не засвидетельствовано. Керамика длинных курганов, за вычетом форм, сходных со славянскими и явно относящихся к позднему времени, ничем не отличается от балтской глиняной посуды, среди которой имеются и ребристые, и баночные типы. Металлический же инвентарь длинных курганов определенно балтского происхождения, в чем не сомневается и сам В. В. Седов.

Расселение славян по балтской территории шло в основном вверх по Днепру, а освоение ими этой территории представлено славянскими полусферическими кур-

²⁶ А. А. Спицын. Мои научные работы. *Seminarium Kondakovianum*, II, Прага, 1928, стр. 377.

²⁷ Н. Н. Чернягин. Длинные курганы и сопки. *МИА*, 6, 1941, стр. 95.

²⁸ Ф. Д. Гуревич. О длинных и удлиненных курганах в Западной Белоруссии. *КСИИМК*, 72, 1958, стр. 54 сл.

ганами с трупосожжением, подобными известным в Среднем Поднепровье, где их принадлежность славянам не вызывает сомнений. Для них характерно помещение останков сожженного покойника часто в урне, а нередко и без нее в верхней части насыпи, иногда на самом верху, ввиду чего курганы часто оказываются не содержащими следов погребения, исчезнувшего вместе с вершиной насыпи²⁹.

Русские полусферические курганы с трупосожжением в Верхнем Поднепровье датируются VIII—X вв., но о VIII в. для части их можно говорить только предположительно, исходя из хронологии памятников того же рода в лесостепном Среднем Поднепровье. Никакие другие русские памятники в Верхнем Поднепровье того же времени не известны. Русские поселения и городища остаются неизвестными до еще более позднего времени — до IX—X вв. Причем IX в. по отношению к ним также следует принимать условно, потому что более или менее исследованные памятники этого рода содержат материалы, надежно датируемые не ранее X в. Не лишне вспомнить, что в раскопанных в свое время А. Н. Лявданским городищах Смоленщины русский слой там, где он был, всегда оказывался отделенным от предшествующих отложений следами пожара и хорошо выраженной стерильной прослойкой, свидетельствующей о перерыве в заселении³⁰. П. Н. Третьяков определяет время окончательного преобладания русского элемента над балтским в Смоленщине VIII в., но пользуется при этом странным расчетом. По его же собственным словам, показаниями радиоуглеродного анализа пожар городища Тушемяла определяется 960 г. ± ± 150 лет, Вопкинского городища 980 г. ± 90 лет, а городища в Слободе Глушице 950 ± 120 лет³¹. Следовательно, период, к которому относится гибель этих городищ, охватывает время от 810 до 1111 г., иначе говоря, IX—XI вв., а никак не VIII в. Средние годы этого периода относятся к X в. Я далек от мысли придавать показаниям радиоуглеродного анализа решающее значение, но считаться с ними при отсутствии других более надежных данных приходится.

При определении времени заселения славянами северо-запада Восточной Европы решающую роль играло городище Старой Ладogi. Возникновение его приписывалось славянам и относилось к VI—VII вв.³² В настоящее время не может быть сомнения в том, что возникновение древнейшего поселения в Старой Ладoge следует датировать не раньше второй половины или даже конца VIII в., а отложения славянского типа на нем X в.³³ Таким образом, миф о раннем проникновении славян в Верхнее Поднепровье и Новгородскую область рушится, но для окончательного крушения его или, наоборот, для возрождения уже не в качестве мифа, а исторической правды необходимы бесспорные факты, новые археологические исследования, в особенности поселений, которые до сих пор почти не изучались.

Я не имею возможности рассмотреть все содержание объемистого труда В. В. Седова даже только в археологической его части и поэтому из раздела, посвященного севе́рянам, коснусь только одного вопроса о так называемой волынцевской культуре. Эта культура представлена особым рода керамикой, для которой характерны горшки с вертикальным венчиком, орнаментированные лощеными вертикальными или перекрещивающимися линиями. Все, кто обращался к волынцевской керамике, отмечали сходство ее орнаментации с украшениями салтовской посуды. Однако характерные салтовские формы отсутствуют в волынцевской керамике, что делает связь между той и другой весьма проблематичной. Другое дело связь волынцевской керамики, изготовленной на гончарном круге, с аналогичной по технике и орнаментации пастырской посудой. Здесь соответствия совершенно очевидные. Волынцевские формы представлены одинаково как сосудами, сделанными на гончарном круге, так и слепленными от руки. Замечательно, что изготовленная на круге волынцевская керамика появляется в комплексах славянской роменской культуры еще до того, как в керамику последней проникает гончарный круг. О связи волынцевской керамики с пастырской свидетельствует находка в Путивльском районе Сумской области Харивского клада пастырской культуры в горшке волынцевого типа³⁴.

Своим названием волынцевская культура обязана могильнику у дер. Волынцево Путивльского района. Известны и еще два могильника того же рода³⁵. В них обнаружены трупосожжения в горшках, по-видимому, все же бескурганые или под незначительными земляными насыпями. Вместе с урной с останками сожженного покойника в Волынцевском могильнике находились сосуды с жертвенной пищей. По

²⁹ И. И. Ляпушкин. Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства (VIII — первая половина IX в.). МИА, 152, Л., 1968, стр. 115.

³⁰ А. Н. Лявданский. Некоторые данные о городищах Смоленской губ. Научн. изв. Смоленского ун-та, III, 3, Смоленск, 1926.

³¹ П. Н. Третьяков и Е. А. Шмидт. Древние городища Смоленщины. М.—Л., 1968, стр. 17, 107, 112.

³² В. И. Равдоникас. Старая Ладога. Сб. СА, XI и XII, 1950.

³³ Г. Ф. Корзухина. О времени появления укрепленного поселения в Старой Ладoge. СА, 1961, 3, стр. 76 сл.

³⁴ Д. Т. Березовець. Харивский скарб. «Археологія», VI, Киев, 1952, стр. 109 сл., табл. I—IV.

³⁵ Д. Т. Березовець. Дослідження на території Путивльського району Сумської обл. АП, III, 1952, стр. 248 сл.

твой обрядности эти погребения отличаются от славянских. К сожалению, очень плохо известны погребения пастырской культуры. Два из них: у с. Мартыновки Каневского района, Балаклея Чигиринского района — на правой стороне Днепра и одно у с. Поставмуки Лохвицкого района Полтавской области — на левой совершены по обряду труположения. Можно предположить, что вещи пастырских типов, обнаруженные у с. Буд и хут. Березовка Харьковской области, происходят тоже из труположений, так как на них нет никаких признаков действия огня. Но пастырские вещи известны и из трупосожжений, как, например, из погребения у с. Моква Курьинской области. Особенно же убедительны могильники, открытые на Нижнем Тясминце, по культуре и времени связанные с находящимися там же поселениями с керамикой пеньковского типа³⁶. Характерные для них урны с трупосожжениями не отличаются от реберчатых сосудов, найденных на этих поселениях. Вольтинцевские могильники того же типа и отличаются от них только тем, что наряду с реберчатой керамикой в них встречаются сделанные на гончарном круге сосуды, украшенные пролощенным орнаментом, так называемого салтоидного типа, что указывает, может быть, на несколько более позднее время их сравнительно с тясминскими могильниками. Но они, несомненно, представляют одну с ними традицию. Таким образом, пастырская культура знала два способа погребения — труположение и трупосожжение.

Вольтинцевская культура представлена только трупосожжениями. Но кроме того, вольтинцевская керамика найдена на некоторых роменских городищах вместе с типичной роменской керамикой, что и послужило И. И. Ляпушкину основанием отнести вольтинцевские памятники к роменской культуре³⁷, с чем невозможно согласиться. Вольтинцевские памятники принадлежали населению пастырской культуры, уцелевшему в лесах днепровского Левобережья от хазарского погрома. В. В. Седов вслед за Г. Ф. Корзухиной³⁸ полагает, что это были аланы или сармато-аланы, хотя никаких доводов в пользу своего мнения, кроме упоминания о погребениях у ст. Кантемировка, относящихся к III—IV вв., привести не в состоянии. Поскольку пастырская культура нами определена как болгаро-кутригурская, ее продолжение в виде вольтинцевской культуры надо связывать с тем же народом.

В отличие от П. Н. Третьякова, считающего, что заселение Среднего Поднепровья славянами происходило из Верхнего Поднепровья, где обосновались потомки славян зарубинцев, В. В. Седов связывает это с движением славян с Запада на Восток, начавшимся во второй половине I тысячелетия. Западного же, точнее, правобережно-поднепровского происхождения, по его мнению, и северяне, хотя связываемая с ними роменская культура некоторыми своими признаками отличается от правобережных славян, в первую очередь орнаментацией на керамике. Ближайшие соответствия этой орнаментации находятся в Верхнем Поднепровье, но откуда и куда она распространялась, остается не установленным.

Еще более определенно западное происхождение В. В. Седов приписывает радимичам, хотя и не считает летописное сообщение о приходе их «от лях» соответствующим действительности. Вместе с тем В. В. Седов подчеркивает, что на территории радимичей не найдено славянских памятников раньше IX в. Погребения, обнаруженные Г. Ф. Соловьевой под курганами у с. Демьянки на р. Ипутя, никакого отношения к славянам не имеют, а представляют собой грунтовый могильник с трупосожжениями и керамикой балтского типа. Аналогичная картина выявилась раскопками Е. А. Шмидта в Акатове на Смоленщине, где на месте грунтового могильника с урнами тушемлинского типа оказались курганы конца I тысячелетия. Ввиду этого В. В. Седов склонен полагать, что радимичи поселились на р. Соже сравнительно поздно, когда другие славянские племена уже прочно освоили места своего обитания. Об этом же, по его словам, свидетельствует и большая, сравнительно с другими славянскими племенами, насыщенность радимичских курганов XI—XIII вв. балтскими элементами, еще дающими о себе знать в радимичской среде. Указанное В. В. Седовым сравнительно позднее появление радимичей заслуживает серьезного внимания, но данное им объяснение этого явления спорно.

Следует иметь в виду, что славянского населения с керамикой пражского типа на правой стороне Днепра поблизости от реки не было³⁹. Распространению его на Восток препятствовали болгары-кутригуры. Только после разгрома последних хазарами славяне получили возможность заселить не только западное побережье Днепра, но и продвинуться на левую сторону этой реки. Но вся эта территория к этому времени уже находилась во власти хазар, и славяне могли занять ее только под их эгидой в качестве данников Хазарского государства, воспоминание о чем сохранилось в

³⁶ Д. Т. Березовець. Могильники уличів у долині р. Тясмину. Сб. «Словеноруські старожитності». Київ, 1969, стр. 58 сл.

³⁷ И. И. Ляпушкин. К вопросу о памятниках вольтинцевского типа. Сб. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 58 сл.

³⁸ Г. Ф. Корзухина. К истории Среднего Поднепровья в середине I тысячелетия н. э. Сб. СА, XXII, 1955, стр. 73.

³⁹ И. П. Русанова. О керамике раннесредневековых памятников Верхнего и Среднего Поднепровья. Сб. «Славяне и Русь». М., 1968, карта.

русской летописи, где данниками хазар значатся поляне, северяне, радимичи и вятичи.

Колонизация Верхнего Поднепровья славянами с юга, по В. В. Седову, относится ко времени не раньше VIII в. Но на одно-два столетия ранее там появились выходы из числа западных славян, оставившие длинные курганы. При этом В. В. Седов настаивает на образовании белорусского народа из восточнославянской этнической общности. Как можно совместить одно с другим, т. е. восточнославянскую общность с участием в белорусском этногенезе западных славян, остается тайной автора. Я, со своей стороны, считаю, что заключение лингвистов о восточнославянском происхождении белорусов, на которое ориентируется и В. В. Седов, может быть археологически оправдано только путем исключения длинных курганов, а вместе с ними и западных славян из белорусского этногенеза. Длинные курганы следует учитывать наряду с другими памятниками, представляющими тот балтский субстрат, с участием которого происходило формирование белорусов как особого славянского народа.

Поскольку славянских памятников, относящихся определенно к VIII в., в Верхнем Поднепровье до сих пор не найдено, славянский период на этой территории, как и на земле радимичей, следует начинать с IX в. Отсутствие более ранних памятников на земле радимичей объясняется вовсе не тем, что славяне, продвигаясь вверх по Днепру, обошли эту землю, а тем, что освоение славянами балтских земель началось не раньше IX в. Дальнейшие исследования помогут решить вопрос о времени славянской колонизации Верхнего Поднепровья, Поволжья, Оки и Северо-Западного края, но и сейчас уже ясно, что в отношении Верхнего Поднепровья существенного изменения указанной датировки не произойдет. Следует учесть, что древнейшие следы славянского продвижения в балтские и финно-угорские земли надо искать прежде всего на городищах, где обосновывались славянские военные дружины, грабившие и объясачивавшие туземцев точно так же, как позже это делали на севере новгородские ушкуйники, а в Сибири московские землепроходцы. Пора покончить со слащавой идеализацией процесса славянской колонизации балтских и финно-угорских земель, якобы протекавшего в виде медленной инфильтрации славян на пустующие участки владений своих соседей и мирно уживавшихся бок о бок с ними. Славяне ничем не отличались от других народов, путем завоеваний расширявших свою территорию, к чему их вынуждал не только естественный прирост населения, но и давление со стороны степных кочевников, соседями которых они оказались в Среднем Поднепровье. При завоевании Верхнего Поднепровья славяне неизбежно должны были встретиться с норманами-варягами, прибывшими с той же, что и они, целью. Объединение славянских и норманских дружин и было тем событием, с которого начинается история Киевского русского государства. Только вслед за завоеванием началась подлинная колонизация с освоением земли под сельское хозяйство, с устройством крестьянских поселений. И происходила эта колонизация не стихийно, а под руководством княжеской власти, с целью закрепления за княжествами в Русской земле их владений во Внешней Руси, как эти владения названы у Константина Багрянородного.

Я не имею возможности в своей и без того разросшейся рецензии рассмотреть все темы, содержащиеся в труде В. В. Седова. Поэтому в заключение ограничусь общей оценкой его работы. А она, несмотря на мои возражения по отдельным вопросам, не может не быть положительной. В. В. Седов основное свое внимание сосредоточил на выяснении балтского субстрата в формировании белорусского народа и убедительно показал, что его значение было весьма большим, что заселившие Верхнее Поднепровье славяне встретились там с древними балтами и в течение продолжительного времени жили бок о бок с ними, вступая в различные формы контактов как военного, так и мирного характера, пока в конце концов не ассимилировали их без остатка. Не со всеми определениями балтского происхождения элементов белорусской культуры можно согласиться с В. В. Седовым, но за исключением таких сомнительных и спорных остается достаточно других, полностью доказывающих основной вывод его труда. А он сводится к тому, что белорусский народ возник в результате смешивания славян с балтами, что отличия этого народа от других восточнославянских народов определились ролью балтского субстрата в его формировании. Из этого следует, что в образовании другого — великорусского народа аналогичную роль сыграли финно-угры. Нет надобности особо разъяснять, насколько это заключение В. В. Седова важно для конкретной истории этногенеза восточнославянских народов.

М. И. Артамонов

K. Musianowicz. Drohiczyn we wczesnym średniowieczu. Materiały wczesno-średniowieczny, t. VI, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969, str. 7—228.

Древности Дрогичина на Буге стали впервые известны русскому читателю в 60-х годах прошлого столетия, когда К. Тышкевич опубликовал данные о свинцовых пломбах, найденных в этом городе. Рецензируемая работа К. Мусянович «Дрогичин в ран-